

ОТЦЫ И ДЕТИ

ШАМРАЕВ Валентин Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Магнитогорской государственной горно-металлургической академии им. Г.И. Носова. ЛУКЬЯНОВА Тамара Александровна — кандидат философских наук, доцент этого же вуза.

Сегодня, когда мы заметно меняем привычные воззрения, связанные с определенными периодами развития страны, когда обнаруживают себя полярные трактовки одних и тех же событий прошлого, раскалывая некогда единое общественное мнение, представляется интересным проанализировать влияние происходящего на молодежь: как она относится к подобным переоценкам ценностей, к опыту старшего поколения в целом, не углубляется ли в сложившейся обстановке грань отчуждения между «отцами и детьми»? С этой целью в 1994/95 учебном году нами проведено исследование среди первокурсников металлургического, строительного и гуманитарного факультетов Магнитогорской государственной горно-металлургической академии им. Г.И. Носова, в ходе которого выявлялось отношение молодежи к истории своей семьи, рода, государства, а также к ветеранам войны и труда. Каждому студенту было предложено составить семейную генеалогию на основе воспоминаний родственников или сохранившихся документов. Задание заинтересовало большинство студентов, и более 70% из них, то есть 95 человек (36 девушек и 59 юношей в возрасте 18—19 лет) изъявили готовность заняться данной работой, которая, к исходу первого полугодия была завершена.

Анализ составленных генеалогий показал, что сведения о жизни самого «древнего» поколения почти в каждой семье исчерпываются семейными событиями конца XIX века. Редким студентам удалось обогатить родословное древо сведениями о кровно близких людях, живших в середине XIX столетия и ранее. Глубже всех сумел проследить свою родословную студент-казак, чьи пращуры были кочующими степняками и занимались пастушеством на территории Урала и Казахстана. Сохранилось имя основателя рода — Кульдей. Он жил в конце XIV в., когда у казахов фамилий как таковых еще не существовало. Значительно позднее, с установлением Советской власти, многие казахские семьи стали принимать фамилии, понятно, производя их от имен своих предков. Так появилась и фамилия Кульдеевых. «Я очень горжусь своими предками, несмотря ни на что, — пишет студент Николай Кульдеев, родня которого подвергалась репрессиям в сталинские времена. — Среди них не было ни преступников, ни воров, ни убийц. Три года назад моим родителям вручили медали за долгий и доблестный труд... Я знаю, что мои знания об отдаленных родственниках скудны, но время безжалостно стирает то, о чем мы всегда должны помнить». Не менее глубокой по своим корням оказалась и генеалогия одного из студентов, принадлежащего к роду уральских Демидовых. Своеобразной хранилищем родовой памяти является его бабушка, проживающая до настоящего времени в Магнитогорске. Подробная запись, сделанная внуком по ее воспоминаниям, красноречиво говорит о семейных традициях бережного отношения к историческим свидетельствам, касающимся различных ветвей этого известного рода.

Что же до остальных генеалогических экскурсов, совершенных студентами, то тут определенно сказались небрежение, заложенное в советском прошлом к «дооктябрьским» истокам которое пригасило здоровый интерес людей к собственным предреволюционным фамильным нитям. Отсюда и усеченные генеалогии большинства российских семей, что напоминает о надобности менять сложившиеся привычки «Иванов, родства не помнящих», неуважительно относящихся к восстановлению родовых начал. Ведь чем тщательнее будет изучено родословие семьи, тем увереннее почувствует себя человек, ибо он инстинктивно станет опираться на опыт лучших представителей предшествующих поколений, испытывая естественную гордость за их жизнь и деяния. И это интуитивно ощущает молодежь. Анонимно отвечая на вопрос анкеты (распространенной среди задействованных нами молодых людей), сколь охотно воспринято полученное задание, 4,2% опрошенных заявили

о своем безразличии, поясняя, что дело сие «ненужное», что «мертвым уже ничем не помочь», а 3,1% отметили, что оно «неинтересно, но хлопотно и заниматься этим лень». Остальные же 92,7% высоко оценили существо поручения, считая выявление генеалогии необходимым для каждой семьи, и выказали явное желание ее написать. Некоторые подчеркнули, что любая информация о жизни предков весьма ценна, поскольку дает возможность полнее узнать свое прошлое и передавать это знание от поколения к поколению. Вот отдельные выдержки из написанного студентами: *«Если знаешь свои корни, то можешь вырастить на них большое крепкое дерево—свою жизнь»*; *«Это представится важным и моим потомкам»*; *«История моей семьи меня увлекает, с удовольствием буду ее дополнять, узнавать о ней больше сведений»*.

Очевидная заинтересованность студентов в изучении генеалогий позволила определить во втором полугодии новое задание, которое стало логическим продолжением предыдущего. Оно состояло в том, чтобы записать рассказ какого-либо родственника (знакомого), являющегося ветераном Отечественной войны или труда, о ратных и трудовых буднях в пору военного лихолетья и привести историческую справку, подкрепленную материалами научной литературы, семейного архива, иллюстрирующими события, оказавшиеся в центре внимания интервьюируемого.

Ветераны явились интереснейшими собеседниками для молодежи, сумев передать ей все виденное ими и поделиться, иногда впервые за долгие годы вынужденного молчания, сокровенными думами о пережитом. Эти беседы оставили глубокий след в сердцах юношей и девушек, подтверждение чему— их восторженные отзывы при анонимном анкетировании. Учитывая, что эмоциональность может помешать объективному взгляду на ветеранов как субъектов воспитания, в анкете высказывалось намеренное сомнение: *«Следует ли обращаться к воспоминаниям ветеранов, если издана масса книг о военном времени, довольно полно и основательно раскрывающих минувшее?»* Однако такое суждение поддержали только 10,5% респондентов, заявивших, что информация, исходящая от участников войны, незначительна и можно гораздо больше взять из опубликованного, что она нужна лишь тем, кто специально и углубленно занимается проблемами войны. Но 89,5% указали на важность подобных встреч *«Живой рассказ более интересен, он душевно трогает, и человек воспринимает все так, как будто это происходит с ним самим»*; *«В книгах не всегда можно найти то, о чем говорят ветераны, там чаще всего события приукрашены, а в глазах очевидцев могут выглядеть и по-другому»*.

Очередной, более объемный вопрос анкеты, — о чувствах, которые возникают у студентов при изучении истории Отечества, — вызвал разноречивые ответы. Значительная их часть (33,3%) испытывает гордость своей Родиной, любовь и уважение к ней, 10% — стыд и вину за все содеянное в стране. Смешанное чувство гордости и стыда охватывает 22,2%. (В этой связи некий респондент философски заметил: *«История страны — она одна, и ею надо гордиться, а на ее ошибках—учиться»*.) Чисто академический интерес, лишенный эмоциональных оценок, высказали 16,8%, а неприкрытое равнодушие — 10%. Сострадание к «людям социализма» и обиду за них проявили 5,5%, по-разному аргументируя это: *«Наши деды и прадеды, выходят, воевали ни за что и в итоге остались ненужными государству»*; *«Я испытываю ненависть к правителям и жалость к соотечественникам, так как они не могут выйти из тупика»*. И, наконец, 2,2% выразили откровенное неприятие прошлой действительности без всякой мотивировки.

«Изменилось ли отношение к ветеранам после беседы с ними?» — по поводу этого мнение респондентов разделилось почти поровну. Одни (50,3%) считают, что оно осталось прежним, уважительным, как и ранее. Другие (49,7%) указали, что в результате встреч узнали немало нового для себя, в ином свете предстали, казалось бы, известные исторические факты, углубилось само понимание жизни.

В заключительной части анкеты студентам предлагалось ответить, есть ли вообще у них потребность в систематическом общении с представителями старшего поколения? Отрицательно, не приводя какой-либо аргументации, отреагировали 2,3%. Признали полезность и надобность такого рода общения 8,9%, правда, обусловив определенными пожеланиями, выделяя при этом равноправие на диалоге и наличие интересного собеседника. Прочие же 88,8% усмотрели безусловную пользу этих дружеских отношений, обогащающих жизненным опытом и удовлетворяющих духовные запросы. Кое-кто стремился обосновать свои позиции такими рассуждениями: *«Очень многое можно понять и не стоит слепо осуждать тех оголтелых стариков, которые кричат "Вот Сталина бы!"»* или *«Этих людей*

просто интересно слушать— и тебе, и им польза, ты выступаешь как бы в качестве психолога».

Словом, наше скромное исследование свидетельствует о том, что несмотря на еще нередко проявляющиеся попытки перечеркнуть смысл прожитой ветеранами жизни, тяга молодежи к ним не утрачена. Она часто по достоинству оценивает мужественно исполненный старшим поколением гражданский долг в годы войны, а также его высокую приверженность общечеловеческим ценностям, глубоко выстраданным в течение своего нелегкого века. Задумываясь над сложными проблемами бытия, исторического пути Отчизны, молодежь, как правило, становится все более ответственнее и мудрее, у нее постепенно пропадает наносная бравада, она начинает мыслить серьезными социальными категориями, впитывая в себя непреходящую духовно-нравственную культуру народа, претворяя в реальность преемственную связь поколений.